

Литературная учеба

Ж у р н а л
для начинающих
писателей
под редакцией
М. ГОРЬКОГО

2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1934

Записные книжки Чехова

Ведение предварительных записей, в дальнейшем используемых в различных произведениях, — обычное явление в работе крупнейших мастеров художественного слова. Одни, как, например, Л. Толстой и В. Короленко, вели записи в дневниках, другие (И. Тургенев и Ф. Достоевский) составляли особые своды планов, набросков отдельных сцен, диалогов, фраз для каждого произведения, третьи заносили свои мысли и наблюдения в записные книжки. Характер последних у каждого писателя различен. Так, Л. Толстой в течение многих лет, одновременно с вечерними и ночными записями в дневниках, пользовался записными книжками во всех случаях, когда у него во время прогулки или случайной беседы возникала потребность записать мысль собеседника, свои собственные размышления, впечатление от чтения книги и т. п. Записные книжки А. Блока по характеру своих записей однотипны его дневникам: в них так же, как и в дневниках, записи делового и хозяйственного характера переплетаются с черновиками стихов, замыслами пьес и статей и личными признаниями поэта. Н. Лесков в свои записные книжки вносил преимущественно языковые обороты, местные или редкие слова, новые словообразования.

Вполне понятно, что записные книжки имеют большое значение для понимания основных особенностей художественного метода писателя, для понимания процесса его работы. В свете этих проблем мы и дадим анализ записных книжек Чехова.¹

Записные книжки Чехова относятся ко второй половине его писательской деятельности, к 1891 — 1904 гг. Они были начаты им вскоре после приезда с о. Сахалина, последняя же запись была сделана, видимо, уже перед смертью в Баденвейлере. Назначение книжек не только литературное: сюда входят и дневник и записи деловые — хозяйственные, адреса, списки книг, рецепты, денежные расчеты и т. п. Однако преобладают в них заметки литературного характера.

Надо думать, что записи в книжках делались Чеховым нерегулярно — в зависимости от наличия соответствующих наблюдений, в минуты размышления и, так сказать, «находу» — во время или после беседы с собеседниками, или в процессе обдумывания очередного произведения. При просмотре книжек уже использованный материал Чеховым зачеркивался, карандашные же записи, стер-

¹ Издавались неоднократно. Последнее издание — в полном собрании сочинений А. П. Чехова, ГИХЛ, 1933, том XII.

шиеся от времени, обводились чернилами или переписывались в новую книжку.

Литературные записи в книжках Чехова могут быть разбиты на несколько разделов. Это — мысли, характеристики, темы и сюжеты, стилистические или словарные новообразования. Каждый раздел представлен исключительно обильным по числу и разнообразным по своему литературному значению материалом.

Большое место занимают в книжках записи мыслей о различных явлениях и сторонах современной Чехову общественной жизни: о психике человека, любви, смерти, культуре, науке и литературе. Вот некоторые из этих записей.

Если вы зовете вперед, то непременно указывайте направление, куда именно вперед. Согласитесь, что, если, не указывая направления, выпалить этим словом одновременно в монаха и революционера, то они пойдут по совершенно различным дорогам.

Беда в том, что самые простые вопросы мы стараемся решить хитро, а потому и делаем их необыкновенно сложными. Нужно искать простое решение.

Человечество понимало историю как ряд битв, потому что до сих пор борьбу считало оно главным в жизни.

Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения, что же национально, то уже не наука.

Любить только чистых — это эгоизм; искать в женщине того, чего во мне нет, — это не любовь, а обожание, потому что любить надо равных себе.

Так называемая детская чистая жизненная радость есть животная радость.

Дела определяются их целями: то дело называется великим, у которого велика цель.

Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть.

Увеличилось не число нервных болезней и нервных больных, а число врачей, способных наблюдать эти болезни.

Я заметил, что, женившись, перестают быть любопытными.

Художественные произведения Чехова, как известно, в ряде случаев являются образным раскрытием больших общественных проблем. В уста персонажей своих произведений Чехов обычно вкладывает глубокие и содержательные сентенции, отражающие непрерывную работу Чехова над идейным обобщением наблюдаемых им различных сторон жизни. Эта работа находит свое отражение и в записных книжках Чехова. При этом, в значительном числе случаев мысли Чехова даны в записных книжках не в виде «чистых» обобщений, но как выраженная в образной форме тема. Предельно

сжатая формулировка этих мыслей придает им характер афоризмов. Примерно:

Россия — страна казенная.

Россия — громадная равнина, по которой носится лихой человек.

В этих записях сказалось высокое художественное мастерство Чехова, умение лаконично образно формулировать большую тему. Обычно Чехов, отправляясь от конкретного явления действительности, дает обобщенную характеристику этого и ему подобных явлений. Большинство записей соответствующего раздела записной книжки свидетельствует о двух сторонах одного и того же процесса работы писателя: о непрерывном наблюдении им различных сторон и явлений жизни и о непрерывных же углубленных размышлениях по поводу этих наблюдений. В ряде писем Чехов отмечал, что писателю необходимо постоянно расширять свой наблюдательный кругозор — не жить только «в четырех стенах» и людей видеть не только «в редакциях и в портерных». Процесс непрерывного фиксирования своих наблюдений и дальнейшего обдумывания виденного должен быть, по мнению Чехова, присущ каждому настоящему литератору.

Судя по записным книжкам, материал наблюдений Чехова исключительно разнообразен, но большинству записей присуща одна черта, обусловленная углом зрения Чехова на окружающую его жизнь, на человеческую среду. Черта эта — обличительный тон, критическая оценка, скептическая или даже остро пессимистическая мысль. В обнаженном виде обличительная идея дана, например, в таких записях:

Ходят часто в театр и читают толстые журналы — и все же злы и безнравственны.

Днем разговоры о распущенности женской гимназии, вечером лекция о вырождении и упадке всего, а ночью после всего этого застрелиться хочет.

Но не странно ли: во всем городе ни одного музыканта, ни одного оратора или выдающегося человека.

Если принц Монако имеет рулетку, то каторжным иметь у себя картеж можно и подавно.

Не рабочие, так называемые правящие классы не могут оставаться долго без войны. Без войны они скучают, праздность утомляет, раздражает их, они не знают, для чего живут, едят друг друга, стараются наговорить друг другу побольше неприятностей, по возможности безнаказанно, и лучшие из них изо всех сил стараются, чтобы не надоест друг другу и себе самим. Но приходит война, овладевает всеми, захватывает, и общее несчастье связывает всех.

Часто отрицательные характеристики облакаются в сентенции такого типа:

Обыкновенные лицемеры прикидываются голубями; а политические и литературные — орлами. Но не смущайтесь их орлиным видом. Это не орлы, а крысы или собаки.

Или даются на конкретном материале:

Имение скоро пойдет с молотка, кругом бедность, а лакеи все еще одеты шутами.

Аристократы? То же безобразие форм, физическая нечистота, мокрота, та же беззубая старость и отвратительная смерть, что и у мещанок.

Эпоха тяжелой политической реакции 80-х годов в условиях лихорадочного развития капитализма с его хищническими тенденциями наложила свой неизгладимый отпечаток на Чехова, талантливого представителя мелкобуржуазной интеллигенции, которая не нашла в этих условиях широкого применения своей деятельности, не определила четко своего места и своей общественной роли.

В этой общественно-политической обстановке пытливый ум писателя обратился к мелочам обыденной жизни и в житейских бытовых ее проявлениях привык искать те социальные противоречия, которые, по представлению автора, препятствовали установлению справедливых социальных форм жизни, мешали созданию образа гармоничного человека. Чехов научился глубоко вскрывать в наблюдаемых им явлениях все пошлостное, мещанское, лживое, самоуверенное, раблепствующее, двойственное, несправедливое, неустроенное. И от постоянного внимания к этим «основам» быта и психологии современника у писателя выработался свой метод отбора соответствующего материала, своя скептическая оценка человека и его поведения. М. Горький, общавшийся с Чеховым в последние годы его жизни, неоднократно отмечал в своих воспоминаниях, что основная черта Чехова-писателя — ненависть к пошлостному и грязному, к мерзостям жизни. «Пошлость всегда находила в нем жестокого и строгого судью». «Его врагом была пошлость, он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал и ее изображал бесстрастным, острым пером, умея найти плесень пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже — с блеском...»

Этот угол зрения Чехова на жизнь, этот, по словам М. Горького, «скептицизм человека, знающего цену слов, цену мечтаний», его постоянное стремление обнажить мелкого человечка, не могли не породить у писателя резко отрицательных оценок действительности. М. Горький вспоминает: «Порою казалось мне, — что в его отношении к людям было чувство как-то безнадежности, близкое к холодному, тихому отчаянию». Но это все же не означает наличия у Чехова безнадежного мировоззренческого пессимизма, безысходной, беспросветной мизантропии. М. Горький тонко определил это качество мировоззренческой стороны художественного

метода Чехова такими словами: «Он обладал искусством всюду находить и оттенять пошлость, — искусством, которое доступно только человеку высших требований к жизни, которое создается лишь горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными».

В свете этой основной социально-этической направленности творчества Чехова нам станут понятны господствующие во всех разделах его записных книжек обличительные тенденции.

Значительное и даже преобладающее место в записных книжках Чехова занимают записи характеристические: внутренние и внешние черты характера, поведение личности в различных общественных слоях (преимущественно в среде интеллигенции), различные формы проявления психической жизни человека. Многочисленные записи эти исключительно разнообразны как по содержанию, так и по форме — всегда очень лаконичной и оригинальной.

Мы знаем, что в своих письмах к писателям Чехов неоднократно призывал к тщательному и непрерывному наблюдению действительности, к точному, как бы научному изучению этой действительности. Чехов настаивал на необходимости для писателя непосредственного знания самой действительности в самых разнообразных ее проявлениях, а не книжных, условно-литературных приемов ее изображения. Вот почему в письмах и в устных высказываниях Чехов боролся против шаблонных описаний, против ограниченного, вошедшего уже в литературу, исчерпанного в произведениях других писателей круга лиц, их отношений, их характеров. Чехов утверждал, что характеры и лица, уже описанные в литературе, должны избегаться писателем; в многообразном материале действительности писатель должен искать и находить все новые и новые объекты для своего творчества. Записные книжки Чехова и являются обширным каталогом самых различных новых характеров и вариантов их, впервые наблюденных черт, неожиданных проявлений характеров в жизни. Все эти записи выполняют роль заготовок для будущих художественных портретов.

Помимо этого своего значения, характеристические записи Чехова показательны для определения особенностей художественного метода Чехова. Чехову было свойственно искусство отражать характер в какой-либо одной внутренней или даже внешней черте — жесте, мимике, движении, слове. Это свойство проявлялось Чеховым в жизни (по свидетельству мемуаристов, его современников, он «брал всего человека, определял быстро и верно, точно опытный химик, его удельный вес, качество и порядок и уже знал, как чертить его главную, внутреннюю суть двумя-тремя штрихами»), и эта же особенность наблюдения лежит в основе его художественного метода. Отказываясь от пространного и всестороннего описания объекта, Чехов определяет его свойства немногими признаками. Эти признаки не всегда являются основными и иногда как бы замещают основные свойства объекта. Об этой особен-

ности художественного метода Чехова неоднократно говорил Л. Толстой. По его определению Чехов владел «необыкновенной техникой реализма». «Он бросает слова, как будто некстати, а между тем все у него живет». «У Чехова все правдиво до иллюзии, его вещи производят впечатление какого-то стереоскопа. Он кидает как будто беспорядочно словами и, как художник импрессионист, достигает своими мазками удивительных результатов». В устных беседах с писателями Чехов говорил примерно так:

Для того, чтобы подчеркнуть бедность просительницы, не нужно тратить много слов, не нужно говорить о ее жалком, несчастном виде, а следует только вскользь сказать, что она была в рыжей тальме (плащ).

Или в одном письме:

У тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки или волка и т. д.¹

В записной книжке находим подобный же пример описания лунной ночи:

Спальня. Лунный свет бьет в окно, так что видны даже пуговицы на сорочке.

Отсюда понятно огромное внимание Чехова к мелочам быта и психологии, но мелочам не «пустым», бессодержательным, а характерным. Чехов умел подниматься над обыденностью явлений, умел найти в этих явлениях обобщающую черту. Проследим некоторые из характеристических чеховских записей в книжках. Вот записи, в которых проявляется одна черта характера:

Пофилософствовать насчет любви Ив. мог, но любить нет.

Он любил литературу, которая его не беспокоила, т. е. Шиллера, Гомера и т. п.

Или преобладающая черта характера дана в ряде конкретных проявлений:

Леночке в романах нравились герцоги и графы, но мелкоты она не любила. Любила главы, где любовь, но чистая, идеальная и не чувствительная. Описание природы не любила. Разговоры предпочитала описаниям. Читая начало, нетерпеливо заглядывала в конец. Не знала и не помнила имен авторов. Писала карандашом на полях: дивно! прелесть! или: и поделом!

Леночка пела, не открывая рта.

Обличительная характеристика:

Действ. лицо так неразвито, что не верится, что оно было в университете.

¹ Этот пример приводит и писатель Тригорин в пьесе Чехова «Чайка». В своих суждениях о литературной технике, отражающий литературные взгляды Чехова; этот же образ Чехов ввел в свой рассказ «Волк».

Внутренние переживания лица:

Я терпеть не могу, когда кричат дети. Но когда плачет мой ребенок, я не слышу.

На Мл. Бронной. Девочка, никогда не бывшая в деревне, чувствует ее и бредит о ней, говорит о галках, воронах, жеребятах, представляя себе бульвары и на деревьях птицы.

Обычно в характеристиках Чехов идет от внешней черты к внутреннему свойству человека:

Спальный вагон 1 класса. Пассажиры № 6, 7, 8 и 9. Говорят о невестках. В народе страдают от свекровей, а у нас, в интеллигенции, от невесток.

— Жена моего старшего сына образованная, и в воскресных школах, и библиотеки, но бестактна, жестока, капризна и физически противна: за обедом вдруг истерика, сделанная по поводу какой-то газетной статьи.

Другая невестка: в обществе держится ничего, но в домашней жизни это халда, курит, скупа, и когда пьет чай в прикуску, то держит сахар между губами и зубами — и при этом говорит.

Значительную группу заметок в книжках представляют лаконичные записи сюжетов. Сюжетное построение рассказов Чехова отличается большим разнообразием и не соответствует традиционным сюжетным формам. Обычно крупные художественные произведения распадаются на три элемента: завязку, действие, развязку; в небольших рассказах могут быть только два элемента этого построения. В произведениях же Чехова мы встречаем большее число вариаций из соединения указанных элементов. Так, в «Егере» мы видим только завязку, в «Злоумышленнике» — развязку, в «Святой ночи» — средний элемент, в «Толстом и тонком» — завязку и развязку, в «Сирене», «Беде», «Лошадиной фамилии» — все три элемента. Возможность построения сюжета рассказа на одном элементе обусловлена тем, что Чехов прибегал в рассказах комических чаще всего к полновесному раскрытию какой-либо частной сюжетной ситуации, разнообразно им обыгрываемой («Беззащитное существо», «Оратор»). В рассказах же психолого-бытовых сюжетная схема у Чехова вообще не играла роли. Он отказывался от условных начал и концов рассказов и пьес, считая, что «написав рассказ, следует вычеркивать его начало и конец; тут мы, беллетристы, больше всего врем»; или: «кто изобретает новые концы для пьес, тот открывает новую эру». Поэтому начала его рассказов обычно без особого подступа прямо вводят в описание нужных для дальнейшего развития действия элементов, а концы как бы не существуют: после раскрытия основной темы рассказ обрывается, и дальнейшая судьба выведенных в рассказе лиц обычно остается незавершенной.

Таким образом, Чехов чаще всего строит свои произведения только на «среднем» элементе — на бытовом и психологическом раскрытии характеров в настоящий (а не прошлый), обычно весьма ограниченный временем, момент.

Отсюда простейшие очертания чеховских сюжетов, их несложная формула, чаще всего сводящаяся к определению какой-то

типичной бытовой ситуации, установлению взаимоотношения лиц, к подчеркнутому выделению черт характера в социально-бытовых его проявлениях. Вот почему, постоянно наблюдая жизнь, вылавливая в среде, его окружающей, характерный материал, Чехов всегда был насыщен обилием сюжетов. Он неоднократно писал своим корреспондентам: «сюжетов скопилось пропасть», или: «у меня накопилось 1036 сюжетов для мелких рассказов». Индуктивный метод Чехова — отправляясь от частного жизненного впечатления итти к идее, к обобщающим определениям — позволял ему находить эти сюжеты в любом, казалось бы простейшем, бытовом случае. Чехов всегда подчеркивал, — и это находилось в полном соответствии с его художественным мировоззрением, — что писатели берутся записывать произведения на сложные и ответственные сюжеты, за «великое» потому, что «не умеют творить малого», «не имеют литературного вкуса». Он говорил! «Про Сократа легче писать, чем про барышню или кухарку. Исходя из этого, писание одноактных пьес я не считаю легкомыслием». Или в другом месте: «Описать вот этот, например, стол, каким он есть, гораздо труднее, чем написать историю европейской культуры». Это утверждение сходно с тем, что говорил другой, близкий Чехову по принципам своей художественной работы, писатель — Мопассан: «Тот, кто займет меня, повествуя о камушке, стволе дерева, старом стуле, будет, очевидно, на верном художественном пути».

Записные книжки и служили Чехову для записи «возникавших время от времени сюжетных набросков», для «заготовки» тем. Наибольшее число таких «заготовок» падает на записи характерных, рельефных черт людей, в которых, в силу свойств этих черт, уже заложено сюжетное начало.

Действующее лицо говорит всем: — Это у вас глисты. — И дочь свою лечит от глистов; она пожелтела.

Или ряд записей, видимо относящихся к одному и тому же неосуществленному замыслу:

Чиновник носит на груди портрет губернаторши; откармливает орехами индейку и преподносит ей.

Чиновник, носивший портрет губернаторши, дает деньги под проценты, богат в тайне. Бывшая губернаторша, портрет которой он носил 14 лет, живет под городом, вдова, больная; сын ее попался, нужны 4 тысячи, он выслушивает ее скучающе и говорит: «Я ничего не могу сделать для вас, сударыня».

Губернаторша пригласила чиновника, у него тонкий голосок, своего обожателя (портрет на груди), на чашку шоколада, и потом он неделю испытывает блаженство. Он копил деньги и ссужал их без процентов. — Я не могу дать вам, зять ваш проиграл. Нет-с, не могу. — Муж дочери, той самой, которая когда-то сидела в ложе в боа, проигрался и растратил. Чиновнику, привыкшему к селедке и водке и никогда раньше не пившему шоколада, стало тошно от него. У губернаторши выражение: я маленькая; массу денег тратила на туалеты и жаждала слушая щегольнуть этими туалетами — устройство вечеров.

Сюжетная схема:

Две жены: одна в Петербурге, другая в Керчи. Постоянные скандалы, угрозы, телеграммы. Едва не довели до самоубийства. В конце концов нашел средство: поселил обеих жен вместе. Они в недоумении, точно окаменели; и молчали, стали тихи.

Офицер с женой ходили в баню вместе и мыл их обоих денщик, которого, очевидно, они не считали за человека.

Чиновник дерет сына за то, что он по всем предметам получил 5. Это кажется мало. Потом, когда ему разъяснили, что он не прав, что 5 — это лучшая отметка, он все-таки высек сына — с досады на себя.

Переписка. Молодой человек мечтает посвятить себе литературе, пишет постоянно об этом отцу, в конце концов бросает службу, едет в Петербург и посвящает себя литературе — поступает в цензора.

Сюжетная схема — конспект рассказа — со включением ряда конкретных бытовых деталей, возможно, опорных и потому особо разрабатываемых в будущем рассказе:

Больной трактирщик просит доктора: — «Когда я заболею, то, ради бога, услышав, приезжайте, не дожидаясь приглашения. Сестра моя ни за что не пригласит вас: она скупа, вы же берете 3 р. за визит». Через 1—2, месяца доктор слышит, что трактирщик тяжело болен, и едва собрался ехать к нему, как получает от сестры письмо: «Брат мой скончался». Через 5 дней доктор едет случайно в эту деревню и узнает, что трактирщик умер только сегодня утром. Возмущенный, идет в трактир. Сестра в черном стоит в углу и читает псалтырь. Доктор начинает упрекать в скупости, в жестокости. Сестра читает псалом и через каждые 2-3 фразы прерывает грызотней («Много вас тут.... Носят вас шуты»). Она староверка, ненавидит страстно, ругается отчаянно.

Z идет к доктору, тот выслушивает, находит порок сердце. Z резко меняет образ жизни, принимает строфант, говорит только о болезни, — и весь город знает, что у него порок сердца; и доктора, к которым он то и дело обращается, находят у него порок сердца. Он не женится, отказывается от любительских спектаклей, не пьет, ходит тихо, чуть дыша. Через 11 лет едет в Москву, отправляется к профессору. Тот находит совершенно здоровое сердце. Z рад, но вернуться к нормальной жизни уже не может, ибо ложиться с курами и тихо ходить он привык, и не говорить о болезни ему уже скучно. Только возненавидел врачей и больше ничего.

Сюжет с завязкой, развитием и развязкой:

Митя и Катя слышали, как папа взрывает скалы на каменоломне. И они тоже захотели взорвать сердитого дедушку, взяли в кабинете у папы фунт пороха, насыпали целую бутылку, провели фитиль и положили под кресло дедушки, когда он дремал после обеда, но прошли солдаты с музыкой — и только это помешало им привести в исполнение свою затею.

Сюжет без развязки:

20 — лет любила Z; 24 — вышла за N не по любви, а по расчету, что это добрый, умный, идейный человек. Супруги N живут хорошо, все завидуют, и в самом деле жизнь проходит гладко, ровно, она довольна

и, когда говорят о любви, высказывает то мнение, что для семейной жизни нужна не любовь, не страсть, а привязанность. Но как-то вдруг заиграла музыка, внутри в груди вдруг все тронулось, точно весенний лед, она вспомнила З, свою любовь к нему, и с отчаянием подумала, что ее жизнь сгублена, испорчена навеки, что она несчастна. Потом прошло. Через год опять был такой же припадок при встрече нового года, когда поздравляли с новым счастьем, и в самом деле захотелось нового счастья.

Черта характера, выявляемая на бытовом материале, перерастающая в тему рассказа:

Внутреннее содержание этих женщин так же серо и тускло, как их лица и наряды; они говорят о науке, литературе, тенденции и. т. п. только потому, что они жены и сестры ученых и литераторов; будь они женами и сестрами участковых приставов или зубных врачей, они с таким же рвением говорили бы о пожарах или зубах. Позволять им говорить о науке, которая чужда им, и слушать их—значит льстит их невежеству.

Была женой артиста—любила театр, писателей, казалось вся ушла в дело мужа, и все удивлялись, что он так удачно женился, но вот он умер; она вышла за кондитера, и оказалось, что ничего она так не любит, как варить варенье, и уж театр презирала, так как была религиозна в подражание своему второму мужу.

На тему последних двух записей Чеховым написан рассказ «Душечка».

Немало в записных книжках Чехова заметок фразеологического и лексического характера—записи характерного слова, фразы, неправильного словоупотребления с комическим эффектом. Вот некоторые из этих заметок.

Неправильное словоупотребление:

Один действительный статский советник взглянул на красивый ландшафт и сказал:—«Какое чудесное отправление природы!»

— Вы хотите есть?

— Нет, наоборот.

— И вот вышел он во всех своих регалиях.

— А какие у него регалии?

— Бронзовая медаль за труды по переписи 97 г.

Х.: от квасу у меня начались в животе холерные беспорядки.

Отнеситесь ко всему этому (к прогону со службы), как к атмосферическому явлению.

Чем ваш муж занимается?—Касторку принимает.

Барышня пишет:—«мы будем жить невыносимо близко от вас»

Словообразование:

Я тебе зададу!

Отец нерохиромандрит.

Многоуважаемейший Ив. Ив.

Неправильное словоупотребление дает неожиданный, сильный образ:

Н.: были не только собаки, но даже лошади.

— Граф, я уезжаю в Мордегундию.

Вместо переводчик—подрядчик.

Я твой законнорожденный муж.

Характерные для речи данного лица слова:

Принимая во внимание, милтисдарь, исходя из того положения, милтисдарь...

Это абсурд! Это анахронизм!

Пристрастие к слову единоутробный: братец мой единоутробный, жена моя единоутробная, зять и проч.

Она любит слово:—«компромисс» и часто употребляет его: «я не способна на компромисс»... «доска, имеющая форму параллелепипеда»...

В ряде записей Чехов ставил своей задачей запечатлеть меткое слово, найти реалистический, четкий, иногда неожиданный, смелый образ. Так большое место в записных книжках занимают сравнения.

Сравнение, отмечающее внешнюю сторону объекта:

Беременная дама с короткими руками и длинной шеей, похожая на кенгуру.

Сравнение усиливает характерность описываемого признака:

Знает мало, как младенец, не вышедший из чрева матери.

Он держится, точно икона.

Сравнение используется для суммирования впечатления:

Эта внезапно и некстати происшедшая любовная история похожа на то, как если бы вы повели мальчиков куда-нибудь гулять, если бы гулянье было интересно и весело—и вдруг бы один обожрался масляною краской.

У насекомых из гусеницы получается бабочка, а у людей, наоборот, из бабочки гусеница.

Хороший ребенок безобразно плачет, так иногда в плохих стихах узнаешь хорошего автора-человека.

Оригинальный, импрессионистический характер образов Чехова подчеркнут тем, что употребляются явно нереальные, гипер-

болические характеристики, чем достигается нужное впечатление от самого явления:

Эти краснощекие дамы и старушки так здоровы, что от них даже пар идет.

Человек, который, судя по наружности, ничего не любит, кроме сосисок с капустой.

Толстая, пухлая трактирщица — помесь свиньи с белугой.

Умер оттого, что боялся холеры.

Почва такая хорошая, что если посадить в землю оглоблю, то через год вырастет тарантас.

Выражение, стертое в обычном словоупотреблении, заново вскрывается:

Вот ты титулярный «советник», а кому ты советуешь? Не дай бог никому твоих советов слушать.

По этой части он съел собаку. — Ох, ах, не говорите так, наша мама очень брезглива.

В сравнении Чехова нет элементов таинственности, мистичности, фантастики. Для определения вещей или душевных переживаний Чехов всегда берет сравнение реалистическое, но его оригинальное использование иногда приводит к формам преувеличенным, а явно ощутимая подчас отдаленность от объекта сравнения — к гротеску. Сравнивая предметы, Чехов отказывается от оборотов: «казалось», «как будто» и т. п.; он описывает не столько объективные признаки предмета, сколько свое впечатление, свое субъективное восприятие этого предмета. Это и есть один из основных принципов нового реалистического письма, введенного Чеховым в русскую литературу. Вообще мир вещей описывается Чеховым не в его природной данности, а в восприятии его человеком; отсюда — импрессионистичность всей манеры художественного письма Чехова.

Через все книжки Чехова проходят записи комических имен и фамилий, видимо, предназначенных для юмористических рассказов и водевилей. Фамилии эти, с их неожиданными корнями, с очевидной на слух звуковой игрой, свидетельствуют о большом лексическом изобретательстве Чехова, о стремлении его находить черты характерности не только в смысловой стороне слова, но даже в его звучании.

Вот записанные в книжках имена и фамилии:

Розалия Осиповна Аромат, Капитон Иваыч Чирий, Варвара Недотёпина, Платонида Ивановна.

Провизор Протер, Гитарова (актриса), дьякон Катакомбов, дворянин Дрекольева.

Утужный, Ослицын, Свинчутка, Дербалыгин, Трепыханов, Мордохвостов, Мордуханов, Зюзиков, Благовоспитанный, Фильдекосов, Попрыгуцев, Зевуля, Верстак, Перепентьев, Шапчерыгин, Цамбизебульский, Чамбураклия.

Запись имен из святц:

Св. Пиония и Епимаха 11-го марта, Пуплия 13 м.

Необычайные фамилии используются для словесной игры:

Алексей Иваныч Прохладительный или Душеспасительный. Барышня: — я бы пошла за него, да боюсь, фамилия — Прохладительная.

Водевиль: у меня есть знакомый Кривомордый — и ничего. Не то, чтобы Кривоногий или Криворукий, а Кривомордый, и женат был, и жена любила.

Он: — А вот у нас был один господин, которого по фамилии звали так: Кишмиш. Он звал себя Кйшмиш, но все отлично знали, что он Кишийш. — Она (подумав): — Как это неприятно... хоть бы Изюмом звали, а то — Кишмиш.

Моя фамилия не Күрицын, а Курицын.

Мы отметили выше, что материал записных книжек Чехова исключительно разнообразен и охватывает различные элементы художественной работы писателя. Но не все эти элементы представлены в книжках одинаково обильно. Так, например, в книжках почти отсутствуют записи картин природы. Мы находим всего лишь две-три неразвернутые заметки, которые можно условно отнести к разделу записей пейзажных.

Это отсутствие пейзажных записей в книжках Чехова не случайно. Оно связано с тем художественным приемом, посредством которого Чехов вводит в свои произведения картины природы. Чехов не прибегает к пейзажу самодовлеющему, к описанию природы оторванной от тематической линии повествования, или к пейзажу, «украшающему» это повествование. Пейзаж играет существенную роль в композиции рассказа и входит как органическая часть в развитие сюжета, действия. Обычно пейзаж у Чехова служит для более полного выражения внутреннего состояния персонажей или является выразителем лирической тональности рассказа. Пейзаж может отражать черты личного настроения, и в этих случаях он воспроизводится не объективно, а через субъективное восприятие повествователя или других лиц рассказа. При таком, чаще всего импрессионистском, использовании пейзажных картин Чехову не было надобности заготавливать материал предварительно: картины природы возникали у писателя в процессе писания произведения, по мере того как являлась необходимость усилить, подчеркнуть какой-либо элемент повествования или восполнить композиционный прорыв. Этим и нужно объяснить отсутствие в рабочих книжках писателя, являющихся в целом сводом заготовительных материалов, предварительных пейзажных записей.

Нам остается сказать о стилистике записей в книжках Чехова. Даже те немногие примеры чеховских заметок, которые мы привели, говорят об одной основной черте этих записей: скупость слов, предельная сжатость фразы, лаконизм описательного языка. Эта стилистическая особенность отвечает общим требованиям, предъявляемым Чеховым к словесному мастерству. Чехов всегда настаивал на необходимости говорить «короче, как можно короче», считая, что писатель должен «учиться писать талантливо, т. е. коротко», должен «уметь коротко говорить о длинных предметах». Разрабатывая главным образом короткий сжатый, концентрированный рассказ с лаконичными характеристиками, Чехов создал особые приемы повествования. В его прозе нет ничего лишнего; по замечанию Чехова — это основное условие повествовательного искусства: «Вот как на военном корабле на палубе: там нет ничего лишнего — так следует делать и в рассказе». Оттого в процессе своей писательской работы Чехов следовал правилу — «пишу и вычеркиваю», которое он рекомендовал и другим писателям. «Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте». По отзыву Л. Толстого: «У Чехова нет лишних подробностей, всякая или нужна, или прекрасна».

Предельная сжатость произведений Чехова имеет и другое, уже качественное свойство: выбрасывая лишнее, лаконично отмечая основное, недосказывая легко подразумевающееся, Чехов разработал ряд приемов, основанных на совместном творчестве автора и читателя. Отсюда наличие в прозе Чехова и в записных книжках незавершенных фраз, пропуск посредствующих ассоциаций, снятие главных мыслей и выделение побочных, сведение ряда признаков подчас к одному или немногим, описание предмета не прямым, а сторонним путем.

Другая сторона записей Чехова — исключительная простота их языка. Чехов берет знакомые, обыденные, ясные слова, элементарные фразы и пользуется ими в записной книжке так четко, как будто эти записи, без всякой обработки, должны были входить в его произведения. Судя по немногим сохранившимся черновым рукописям Чехова и его многочисленным литературным советам, он много и настойчиво работал над фразой, искал настоящие, искренние, близкие к жизни слова, простейший их ритм. Неоднократно он говорил:

Вы не работаете над фразой; ее надо делать — в этом искусство. Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу от «по мере того», «при помощи», надо заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стала» и «перестала».

Или в другом месте:

Писатель должен не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, медлительным.

Это требование в полной мере и отражено в записных книжках Чехова.

Крупные черновые наброски, относящиеся к какому-либо определенному произведению, в записных книжках почти отсут-

ствуют. Чехов лишь частично использовал в своих произведениях — в виде ли отдельного образа, типичного слова, характерной черты персонажа — те записи, которые он делал в своих книжках. Записанный в книжке сюжетный мотив или сюжетная схема в немногих случаях превращались в законченный рассказ. Обдумывая произведение, над которым он в данное время работал, Чехов иногда записывал детали фабулы, обрывки разговоров, мелкие черты психики и внешности персонажей, перенося потом эти отрывочные записи в произведение, но основные тематические контуры этого произведения, его персонажно-характеристический и сюжетный фундамент Чеховым не записывались, оставаясь, надо полагать, только в памяти писателя. Таким образом, записные книжки не знакомят нас полностью с процессом писания Чеховым своих произведений, не раскрывают перед нами все стадии этого процесса.

Записная книжка была той непрерывно пополняемой «литературной кладовой», откуда Чехов время от времени извлекал нужный ему материал. Эту особенность своих писательских навыков Чехов, как известно, запечатлел в следующих словах писателя Пригорина («Чайка»):

Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу. Что же тут прекрасного и светлого, я вас спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вот я с вами, я волнуюсь, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть. Вижу вот облако, похожее на рояль. Думаю: надо будет упомянуть где-нибудь в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнет гелиотропом. Скорее мотаю на ус: приторный запах, вдовий цвет, упомянуть при описании летнего вечера. Ловлю себя и вас на каждом слове и спешу скорее запретить все эти фразы и слова в свою литературную кладовую: авось, пригодится! Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу: тут бы отдохнуть, забыть, а — нет, в голове уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать.

Мы рассмотрели основные разделы записей в книжках Чехова в свете его эстетических взглядов и художественного метода. Мы видели, что записи Чехова представляют в большинстве своем рисовки житейских случаев и бытовых характеров, доведенные до необычайной сжатости и выразительности. Стилистические, художественные качества этих записей находятся в полном соответствии с теми приемами, при посредстве которых были созданы комические и бытовые рассказы Чехова. Еще в раннюю пору своей литературной деятельности Чехов на практике утвердил основные приемы своего письма: характеристический диалог, воспроизводящий типовые черты лица, произносящего речь; описания среды и лиц на основании различных деталей и мелочей; отчетливое движение сюжетных и тематических линий; сгущение признаков описываемого явления без излишних, отводящих в сторону подробностей. Эти качества своего раннего стиля, преимущественно отраженные в комических темах записных книжек, Чехов переносил в новый материал — бытовой (и психологический, — культивируя и здесь (за немногими исключениями) «малую», новеллистическую

форму и осуществляя те же приемы общей экономии художественных средств при максимальной их выразительности.

В психологически-бытовых рассказах и повестях Чехова сюжет берется «простейший», без рискованных, эффектных положений, — как бы автоматически переведенный из «жизни», — и без литературно обусловленного «начала» и «конца». Соотносительно с этим вырабатываются новые приемы характеристики персонажей. Лицо рисуется не в прошлый, а в настоящий, и притом ограниченный, момент своей жизни и характеризуется чертами своего, в настоящую минуту протекающего, самоощущения, поведения, взаимоотношения с людьми. Помимо того, Чехова интересует не детальная и всесторонняя разработка «типов», но проявления индивидуальной личности, определенные средой, профессией, душевным складом.

Таким образом, реалистическое правдоподобие рассказов и записей Чехова создается тем, что «жизнь» берется не в статическом состоянии и не в типовых только чертах, а как отрезок динамического жизненного процесса и притом в его индивидуальном выражении. В связи с этим стоит и общий художественный метод Чехова — метод индивидуального художественного восприятия и изложения: Чехов не дает прямого синтетического толкования среды, общая тематика произведения не «доказывается» приводимыми материалами, но возникает в результате суммирования самим читателем различных элементов, рассыпанных в произведении. Чехов как бы хладнокровно наблюдает жизнь, не навязывая своей оценки, не вскрывая явно своего отношения к ней, не показывая прямо авторского своего лица.

Чехов довел до поразительного совершенства изображение «обыкновенной» жизни, а так как социальная и личная жизнь, современная писателю, в черные годы 80-х — 90-х годов потрясала своей идейной убогостью, общественной растерянностью, личной опустошенностью, то и произведения Чехова потрясали своей, казалось в те годы, безысходной правдой. М. Горький справедливо отметил основную черту художественной направленности творчества Чехова словами:

В рассказах Чехова нет ничего такого, чего бы не было в действительности. Страшная сила его таланта в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, чего нет на свете, но что может быть хорошо, может быть желательно.

И еще:

Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденщины.